

Бирюкова Анна Борисовна

РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ МЕЩАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена изучению практики исполнения рекрутской повинности мещанским населением Симбирской, Саратовской, Пензенской, Самарской губерний в дореформенную эпоху. В работе представлен анализ законодательства, регламентировавшего отправление рекрутчины мещанами, и его реализации в повседневной практике рекрутских наборов на примере поволжских губерний. Особое внимание уделяется изучению легальных и нелегальных способов уклонения от рекрутчины. Автор оценивает рекрутскую повинность как инструмент нисходящей мобильности мещанского сословия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 21-26. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93(47).07

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению практики исполнения рекрутской повинности мещанским населением Симбирской, Саратовской, Пензенской, Самарской губерний в дореформенную эпоху. В работе представлен анализ законодательства, регламентировавшего отправление рекрутчины мещанами, и его реализации в повседневной практике рекрутских наборов на примере поволжских губерний. Особое внимание уделяется изучению легальных и нелегальных способов уклонения от рекрутчины. Автор оценивает рекрутскую повинность как инструмент нисходящей мобильности мещанского сословия.

Ключевые слова и фразы: мещанское сословие; рекрутская повинность; рекрутский устав 1831 г.; способы уклонения от рекрутчины; дореформенные поволжские города.

Бирюкова Анна Борисовна, к.и.н., доцент

Самарский государственный технический университет

annabir@mail.ru

**РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ МЕЩАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА©**

Историография изучения рекрутчины как военной повинности податных слоев населения и как способа комплектования российской армии XVIII – второй трети XIX в. имеет давнюю традицию. Не углубляясь в детальный историографический обзор, отметим, что предыдущие поколения «гражданских» и «военных» историков подробно осветили большинство аспектов, связанных с данной проблематикой [2; 11; 14; 16; 35; 38]. С конца 1990-х годов в отечественной историографии наметилась тенденция, предполагающая изучение рекрутчины как целостного исторического феномена, влиявшего на социально-экономические и культурно-бытовые условия жизни самых разнообразных категорий населения России XVIII-XIX вв. [13; 15; 36; 45].

Вместе с тем в большинстве научных работ, посвященных изучению рекрутской повинности, в центре внимания оказывалось крестьянское население империи, а не мещанское сословие. В предлагаемом исследовании предпринята попытка научного анализа некоторых аспектов, связанных с выполнением рекрутской повинности мещанским населением городов Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской губерний (образована в 1851 г. [30]) в дореформенную эпоху.

В частности, ставились задачи: изучить законодательство, регламентировавшее отправление рекрутской повинности мещанским сословием; показать его реализацию в повседневной практике рекрутских наборов на местах; выявить применение мещанами легальных и нелегальных способов уклонения от рекрутчины; охарактеризовать явления социальной жизни, порожденные рекрутчиной, наиболее распространенные в поволжских городах.

В первой половине XIX века Россия вела постоянные войны, поэтому армия нуждалась в регулярном пополнении. Рекрутские наборы проводились в зависимости от потребности. Во время ведения активных военных действий, например, в 1812-1815 гг., наборы повторялись несколько раз в год. В связи со стихийными бедствиями (засуха, голод) податное население пострадавших губерний временно освобождалось от выполнения рекрутской повинности [25]. Во второй четверти XIX века вместо «общих» наборов были введены «частные», страна была поделена на две полосы (первоначально это были южная и северная, а с 1839 г. – западная и восточная), в которых поочередно проводились рекрутские наборы. Симбирская, Пензенская, Саратовская губернии первоначально были отнесены к южной полосе, позднее – к восточной [19; 22]. Обыкновенными считались наборы менее 7 человек с 1000 душ, усиленными – по 7-10 человек, чрезвычайными – свыше 10 человек с тысячи [1, с. 697].

Основными законодательными актами, регулировавшими выполнение податным населением рекрутской повинности, являлись Генеральное учреждение о наборе рекрутов (1766 г.) и Рекрутский устав 1831 г. [6; 24]. Система набора рекрутов трансформировалась в течение первой половины XIX века. До 1840-х годов доминировала «очередная система» комплектования русской армии, которая постепенно начала вытесняться «жеребьевой системой» (для мещанских обществ она была введена в 1853 г. [5]).

Разновозрастный состав солдат, находившихся как на строевой службе, а также бессрочно отпускных военнослужащих, со временем стал негативным фактором, серьезно влиявшим на боеспособность русской армии. Государство стремилось пополнить в свои ряды молодых и сильных рекрутов, поэтому верхняя граница призывного возраста со временем снижалась. В середине 1850-х годов призыву подвергались мужчины от 20 до 35 лет [Там же, с. 584]. В солдатскую службу брали здоровых мужчин, без повреждения глаз, зубов, пальцев. На протяжении первой половины XIX века ростовой ценз рекрутов постепенно снижался и в 1854 г. составлял 2 аршина 3 вершка (156 см) [17, с. 82]. С 1793 года солдатская служба ограничивалась 25-ю годами, на протяжении первой половины XIX века срок службы постепенно сокращался и в начале 1860-х годов составлял 15 лет до отставки. Кроме того, в 1834 г. было введено понятие «бессрочный отпуск», в который рядовой увольнялся после прохождения 15-летней действительной службы и 5-летней службы в резерве.

В дальнейшем срок обязательной службы несколько сократился (12 лет для рядовых, поступивших в рекруты после 8 сентября 1859 г.), а в законодательстве были уточнены виды отпусков («бессрочный», «временный», «кратковременный», «продолжительный для поправки здоровья») [4, с. 914; 23, с. 459; 26, с. 57; 28, с. 844].

Рекрутская повинность на протяжении всего рассматриваемого периода продолжала оставаться весьма обременительной обязанностью для мещанского сословия. В связи с этим следует указать на два, казалось бы, взаимоисключающих обстоятельства: с одной стороны, государство стремилось максимально четко определить все аспекты, связанные с выполнением рекрутской повинности, с другой – государственная власть длительное время практически не вмешивалась в сам процесс осуществления раскладки по очередной системе. Еще в Генеральном учреждении 1766 года указывалось, что в рекруты набирались все те, «кого отдатчики в отдачу объявят и поставят, только б были годны ростом и летами» [24, с. 999]. Согласно законодательству, списки семей, состоявших на рекрутской очереди, и мирской приговор, в который вносились имена мещан, предназначенных в рекруты, составлялись мещанской общиной. Отправка рекрутов в рекрутские присутствия также была обязанностью мещанской общины, которая выбирала специальных отдатчиков. Функции полиции ограничивались тем, что она должна была следить «за высылкою в срок общего числа рекрут» [6, с. 527]. Таким образом, рекрутчина носила характер общинной повинности.

Выработанные в традиционном обществе понятия о справедливости нашли отражение в «очередной системе» набора рекрут и были использованы властью в законодательстве о рекрутской повинности [13]. В манифесте и сенатском указе, предворявшем каждый набор, указывалось число рекрут, назначенных к приему с тысячи душ, и порядок раскладки. Все сословия должны были отбывать рекрутскую повинность, «не смешиваясь между собой», а каждое мещанское общество штатного или заштатного города составляло «особый рекрутский участок». Мещанин был обязан «отправлять рекрутскую повинность» в том городе, к которому он был приписан. Мещанское общество составляло списки семей, подлежащих рекрутской повинности. Первой очереди подлежали семьи с большим числом душ, а затем с меньшим, «до двойников включительно» [6, с. 505, 514]. Одиночки не подлежали рекрутской очереди. Однако во время чрезвычайных наборов они также могли оказаться в числе рекрут.

Отсрочка от рекрутской очереди для мещан предусматривалась в нескольких случаях: 1) с момента приписки в мещанское общество в течение трех лет; 2) для «многолюдной» семьи, в которой был только один работник, до тех пор, пока не подрастут малолетние члены семьи; 3) на пятнадцатилетний срок для мещан, которые обучались созданию пожарных инструментов в столичных пожарных депо [Там же, с. 504, 516]. В рекрутский набор привлекались к каждому рекруту по одному запасному на случай непригодности. Поэтому, если предполагалось забрать 4 рекрута, то к рекрутской повинности привлекались 8 семей [33, д. 90. л. 3 об. – 4]. Таким образом, с одной стороны, закон стоял на страже государства, в интересах которого было регулярное пополнение армии здоровыми и боеспособными силами. С другой стороны, законодательство предоставляло возможность социально адаптироваться тем, кто перешел в мещанское сословие и, наконец, защищал интересы города, не привлекая к военной службе важных для развития городского хозяйства специалистов.

Закон уравнивал положение «многолюдных» и «малолюдных» семейств в отношении рекрутской повинности. Предполагалось, что семьи с большим количеством работников (здоровых мужчин от 18 до 60 лет) должны были чаще подпадать под рекрутские наборы, нежели чем «малолюдные» семьи, хозяйство которых, потеряв работника, быстрее подвергалось разорению. Рекрутский устав 1831 года подробно регламентировал соблюдение мещанскими общинами последовательности при составлении «очередных списков»: «Двенадцатидушное семейство, поставив первого рекрута... дает второго рекрута тогда, когда поставят по первому рекруту и одиннадцатидушные семейства, и десятерники и девятерники и осмерники и все семерники; третьего рекрута дает тогда, когда уже поставили по рекруту все четверники» [6, с. 515].

Проблема взаимопроникновения «закона» и «обычая» в практике исполнения податным населением рекрутской повинности освещена в работах отечественного исследователя Ф. Н. Иванова, который показал, что использование «очередной системы» позволяло сохранять общину и «составлявшие ее семейства от разорения или минимизировать получаемый урон от изъятия рабочей силы» [13, с. 85]. Однако во второй четверти XIX столетия первоочередной задачей стала боеспособность армии, поэтому существенно усилилась государственная регламентация рекрутской повинности. В конечном итоге потребности государства привели к утверждению «жеребьевой системы», предполагавшей привлечение в солдатскую службу только молодых людей. На одного рекрута призывали не более 7 человек, причем первоначально жребий тянули 21-летние, затем 22-летние и так далее. Таким образом, армия по своему возрастному составу становилась более однородной, при этом сохранялся принцип распределения повинности в зависимости от числа работников в семье.

Рекрутчина напрямую влияла на состав и материальное положение мещанских семей, лишая их полноценных работников. Семьи, разделившиеся официально, должны были платить подати, выполнять все повинности независимо друг от друга и проживать раздельно, ведя автономные хозяйства. Случаи, когда официально разделенные семьи вели общее хозяйство и жили в одном доме, были довольно распространенным явлением [10, т. 1, д. 1860, л. 14 об.; 40, д. 11. л. 332 – 337 об.]. Разделы семей, проводившиеся самовольно, считались недействительными, и в случае выполнения рекрутчины такие «разделенные» семьи записывались под одним номером [6, с. 518]. Косвенным образом рекрутская повинность способствовала сохранению традиционной патриархальной семьи.

Недовольство мещан рекрутской системой усиливалось еще и потому, что наборы рекрутов сопровождались значительными материальными затратами. Мещанские общества должны были обеспечить каждого

рекрута обмундированием, довольствием на три месяца и жалованием, размер которого общины могли установить самостоятельно, но не менее 3 руб. В их обязанности входило также предоставление подвод для доставки новобранцев в рекрутское присутствие [Там же, с. 525]. Размер рекрутских денег не был фиксирован. Так, в 1827 году саратовские мещане потратили на провиант и одежду 410 руб., а в 1837 году в уездном Аткарске на сбор каждого рекрута было потрачено 33 руб. и на «прочие расходы» еще 301 руб. Всего мещане Аткарска потратили в итоге 433 руб. серебром (по 50 коп. с ревизской души) [17, с. 82].

Рекрутский устав 1831 г. предусматривал ряд легальных возможностей избежать рекрутской повинности: 1) наем рекрута; 2) взнос денег вместо поставки рекрута натурой; 3) разного рода зачеты; 4) перемена отданного в рекруты другим лицом, в первую очередь родственником, или предоставление зачетной квитанции [6, с. 536]. От рекрутирования также освобождались мещане, прослужившие три трехлетия в классных должностях городского управления [20; 31]. Мещане могли избежать рекрутчины, уволившись из мещанства для поступления в учебные заведения или перейдя в купечество. При этом мещанин должен был получить согласие мещанского общества и выплатить все подати по прежнему сословию. В 1849 г. чембарские власти получили жалобу на противозаконные действия мещан Ивана Кулагина, Ивана Кондратьева и Петра Макарова. Их обвиняли в раздроблении собственных семей и переходе в другие «состояния» без согласия всего мещанского общества. Тем самым, по мнению мещанской общины, они незаконным образом освобождали свои семьи от рекрутской очереди [7, д. 31, л. 7, 114 – 115 об., 117 об. – 119, 127 – 128 об.]. Нередко мещанские общества шли на уступки своим состоятельным членам. Чаще всего это происходило в городах, где мещанское общество было немногочисленным. Характерный пример представляло собой аткарское мещанское общество, которое в 1811 году простило бывшему голове Ф. Смурыгину недоимку в 198 руб., а на следующий год освободило его сына от сдачи в рекруты. В приговоре было сказано, что подобная уступка делается Смурыгину за похвальную и усердную службу по трем должностям. Главный же аргумент был более чем весомым – 1000 руб. «на нужды общества». В следующем году мещанина Решетникова то же мещанское общество навсегда освободило от рекрутской очереди за сумму в пять раз меньше [18, с. 55].

Особую ценность во время рекрутских наборов имела зачетная квитанция. Городское общество получало ее за сдачу внеочередного рекрута. На протяжении всего рассматриваемого периода существовала практика избавления мещанских общин от маргинальных элементов и недоимщиков («по нерадению или беспутной жизни», не плативших подати более пяти лет) посредством сдачи их в рекруты [6, с. 539-540, 542; 21; 27; 29]. Арестантов, приговоренных к ссылке в Сибирь, «но не в каторжные работы», если они были годными к службе, записывали в рекруты, а малолетних преступников – в военные кантонисты [12, с. 88]. Даже во время Отечественной войны 1812 года как помещики, так мещанские общины стремились отдавать в рекруты или сбывать в ополчение «изгоев», «воров», «мотов». Так, к примеру, в Аткарске с 1811 по 1814 годы за пьянство, буйство и мелкое воровство по приговору мещанского общества были отданы в рекруты 5 мещан [18, с. 49]. Подобная система крайне негативно влияла на нравственный климат армейских частей. Кроме того, возможность освободиться от службы посредством зачетной квитанции приводила к злоупотреблениям на местах. Довольно распространенной была практика продажи городскими головами этих «фитанций» зажиточным мещанам, сыновьям которых грозила рекрутчина [39, с. 113].

Данные на 1827 год по Саратовской губернии показывали следующую картину: в мещанском сословии, в отличие от помещичьих и государственных крестьян набор главным образом был произведен за счет поступивших по квитанциям (69%), остальные рекруты были набраны исходя из очередности (31%). Схожая картина была среди свободных хлебопашцев и удельных крестьян (подсчитано по: [33, д. 90, л. 6]). Следовательно, в этой среде было достаточное количество состоятельных семей, которые могли себе позволить выкупить рекрутскую квитанцию и заплатить «охотнику» за отбывание рекрутской повинности. Примечательно, что в Пензенской губернии только от 1,3% до 5% от всех призываемых (учитывались все податные сословия) в этот период воспользовались этим правом [36, с. 95].

Избежать рекрутского набора можно было, наняв вместо себя «охотника в рекруты». Этим правом пользовались состоятельные мещанские семьи, заблаговременно нанимавшие добровольца [40, д. 53, л. 54, 56, 115 об., 154]. Стоимость подобной сделки для нанимателя была огромна – от 300 до 700 руб. серебром, в отдельных случаях цена доходила до 1000 руб. (подсчитано по: [10, т. 1, д. 1889, л. 2-125; 40, д. 45, л. 1-10, д. 53, л. 1 – 193 об.; 41, д. 2, л. 114 – 115 об.]). Поэтому довольно много бедных мещан стремилось воспользоваться такой возможностью заработка. Об этом свидетельствует, к примеру, тот факт, что в 1837 году в Саратовскую думу было подано прошений от «охотников» больше, чем требовалось рекрутов от мещан и цеховых [18, с. 63].

Определенная законом процедура найма предусматривала обязательное согласие «мирского общества», родителей нанимающего в рекруты, предоставление справки из судебных органов, о том, что он не состоит под судом. Наниматель был обязан приобрести для «охотника» обмундирование, платить за него и за малолетних его детей (в случае наличия таковых) все подати и повинности, а до его отправки выполнять все «прихоти» добровольца [Там же, с. 55]. Анализ первичных документов региональных архивов позволил реконструировать социальный портрет нанимающегося в рекрутскую службу. «Охотником в рекруты» становился молодой человек примерно 20-летнего возраста, не женатый, имеющий престарелых родителей. 10% из таких «добровольцев» были незаконнорожденными или подкидышами, состав их семей не превышал, как правило, 2-3-х человек [10, т. 1, д. 1889, л. 2, 6 об., 8, 18, 20, 23, 26, 33, 42 об., 55, 62, 64, 66, 68, 86, 108, 120, 125]. Отметим, что довольно часто мещанские и цеховые общества запрещали наниматься своим членам в рекруты

в связи с малочисленностью их семей, при этом указывалось, что, если «охотник» «пожелает поступить в рекруты за общество с зачетом своего семейства», тогда подобное разрешение ему гарантировалось [Там же, л. 23, 108].

Ограниченный круг возможностей легально избежать рекрутской повинности толкал мещанские семьи на использование незаконных способов уклонения от нее. Среди самых распространенных были незаконная покупка рекрутских квитанций, торговля «охотниками» в рекруты и членовредительство. Одним из самых распространенных нелегальных способов ухода из-под рекрутской повинности было «временное отсутствие на местах» назначенных в рекруты мещан во время проведения набора [7, д. 1589, л. 10 об.].

Самые отчаянные новобранцы, не желавшие отправляться в солдатскую службу, подвергали себя физическому увечью. О любых несчастных случаях, приведших к увечью назначенного в рекруты, следовало сообщать в трехдневный срок мещанскому обществу. Далее следовало врачебное освидетельствование пострадавшего. Если был доказан умысел в членовредительстве, виновный подвергался телесному наказанию и отправлялся в рекруты. В случае, когда увечье было так значительно, что делало рекрута непригодным к строевой службе, его отправляли в арестантские роты в Сибирь на поселение [6, с. 556]. Примером такого «ухода» из-под рекрутской повинности было дело мещанина Андрея Каргополова, которое рассматривалось Пензенской уголовной палатой в 1817 году. Он обвинялся в отнятии у себя пальца с целью избегнуть рекрутской повинности. По утверждению самого обвиняемого, на палец упало бревно и придавило его, а затем он «сам отвалился». В то же время врач не смог установить причину повреждения «в связи с давностью происшествия». В итоге мещанин был оправдан, так как прямых доказательств вины следствие не нашло [8, д. 113, л. 13-26].

Вокруг рекрутских наборов наживались немалые состояния. Торговля рекрутскими квитанциями, дача взятки чиновникам рекрутского присутствия за свидетельствование «о негодности к военной службе» по состоянию здоровья определенных в рекруты мещан и многие другие нарушения закона, которые встречаются на страницах исторических документов поволжских архивов, были обычным явлением во всей Российской империи. Государство предпринимало попытки поставить рекрутские наборы под контроль правоохранительных органов, обязав офицеров Третьего Отделения (1827 г.) и флигель-адъютантов находиться при рекрутских присутствиях, что произвело на чиновников «необыкновенное влияние». По свидетельству начальника второго жандармского округа С. В. Перфильева, «сдатчики не могли надвинуться внимательности чиновников, доброхотливости и услужливости приказнослужителей, которые прежде и за хорошую плату не были нисколько исполнительными, нисколько деликатными» [Цит. по: 42, с. 310]. Деятельность жандармских офицеров в провинции способствовала значительному улучшению криминогенной ситуации, однако полностью проблема злоупотреблений во время рекрутских наборов так и не была решена. О чем свидетельствуют, в частности, документы, хранящиеся в поволжских архивах. В 1837 г. Саратовское рекрутское присутствие, рассматривая документы мещанина Петра Иванова Смирнова, нанмавшегося в рекруты взамен семейства мещанина Пономарева, поставило под сомнение безупречность этой сделки [10, т. 1, д. 1889, л. 26]. В 1844 г. саратовский мещанин Матвей Кудрявцев был предан военному суду как главнейший участник «торговли охотников в рекруты» [34].

Мещанин, оказавшийся волею судеб на солдатской службе, практически был потерян для общества. Об этом свидетельствуют возникшие в XVIII-XIX вв. как специфические рекрутские плачи, схожие по стилистике с похоронными, так и вся структура рекрутской обрядности XIX века. Во время проводов рекрута происходило ритуальное «вычленение» его из традиционного, знакомого ему мира, придание новобранцу принципиально нового «инобытийного» статуса. Массовые бесчинства и пьянство, наблюдавшиеся в поведении новобранцев [43, с. 322], носили ритуальный характер и выступали в качества символического обозначения группы рекрут, противопоставлявшей себя крестьянской или мещанской общине. При этом, как отмечает известный отечественный этнограф и культуролог Ж. В. Кормина, «уход в армию осмыслялся в терминах ухода из социума, т.е. смерти, причем смерти “неправильной”» [15].

Важнейшим доказательством снижения социального статуса мещанина, побывавшего на солдатской службе, было бедственное состояние солдатских семей. Возвращаясь в «мир», солдаты, даже если они принадлежали к крестьянскому сословию до ухода на службу, как правило, поселялись в городах. Так, в 1860-х гг. в городах Симбирской губернии на долю «военного сословия» приходилось 10,7% жителей, в то время как в уездах – только 3,6% всего населения [32, с. 33]. Солдатские семьи относились к малоимущим слоям городского населения. Отставные солдаты работали пожарными и полицейскими служащими, швейцарами, сторожами, смотрителями, иногда занимались мелочной торговлей. Их жены устраивались кухарками, швеями и торговками [3, с. 84, 119; 44, с. 89]. Доходы солдатских семей не превышали 100 руб. в год и лишь отчасти обеспечивали необходимые жизненные потребности, поскольку средний уровень дохода, позволявший относительно безбедно существовать семье в 3-4 человека, составлял в первой половине XIX века не менее 300 руб. в год [3, с. 130].

Отслужив четверть века в армии, солдат, возвращаясь в «мир», оказывался здесь без поддержки и мог рассчитывать исключительно на свои силы. Многие годы муштры, унижения и постоянного риска способствовали формированию уникального социально-психологического типа, которым являлся отставной русский солдат. Главная его черта – бесстрашие, граничившее с поиском новых экстремальных ощущений. В мирной жизни все эти качества оказывались невоспринятыми, а возможности для самореализации были потеряны. Следствием такого положения вещей была маргинализация этой сословной группы. Нередко отставные солдаты и солдатки пополняли ряды профессиональных нищих, шайки разбойников, алкоголиков и проституток [7, д. 1796, л. 113; 32, с. 35; 33, д. 51, л. 4-19; 37, с. 3; 44, с. 81]. Не вызывает сомнения, что

отставные солдаты длительное время были одной из самых незащищенных категорий населения. Несмотря на попытки центральной власти изменить положение бессрочноотпускных и отставных солдат, предпринимавшиеся меры социальной поддержки, как показала тамбовский историк Ю. В. Щербинина [45], были недостаточными. Поэтому рекрутскую повинность стоит рассматривать как инструмент нисходящей мобильности мещанского сословия.

Изучение законодательных основ и реалий отправления рекрутской повинности мещанским сословием позволяет сделать вывод о трансформации функций и роли мещанской общины в осуществлении непосредственной работы по составлению очередных списков, сбору рекрутских денег и привлечению рекрут по очередному или жеребьевому порядку. Если в первой четверти XIX века наблюдается относительная автономность «городского общества» в этих вопросах, то в предреформенный период все списки назначенных в рекруты мещан проверялись и утверждались казенной палатой и губернатором.

Несмотря на то, что на протяжении первой половины XIX столетия рекрутская повинность продолжала оставаться весьма обременительной обязанностью для всех податных сословий, в предреформенный период наблюдалось некоторое её послабление для мещанского сословия. Это было связано с уменьшением сроков самой службы, разделением страны на две чередующихся полосы, с попеременным отбыванием рекрутчины, а также с внедрением жеребьевого порядка назначения в рекруты, что в значительной мере облегчало эту повинность для мещанских семей. Прирост населения в городах, в частности, мещанского сословия, и одновременно оставшиеся прежними нормы набора рекрут в 1860-е годы не утяжелили бремя рекрутской повинности для мещанского населения поволжских городов.

Список литературы

1. **Беловинский Л. В.** Культура русской повседневности: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2008. 767 с.
2. **Бескровный Л. Г.** Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.
3. **Бирюкова А. Б.** Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2009. 324 с.
4. **Высочайше утвержденные правила об увольнении нижних воинских чинов в отпуска и отставку:** именной указ, объявленный Сенату военным министром от 28 сентября 1864 г. № 41306 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1865. Собрание II. Т. XXXIX. Ч. 1.
5. **Высочайше утвержденные правила об учреждении рекрутского жеребьевого порядка в городах, посадах и местечках:** от 25 ноября 1853 г. № 27727 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1854. Собрание II. Т. XXVIII. Ч. 1.
6. **Высочайше утвержденный Устав Рекрутский:** от 28 июня 1866 г. № 4677 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. Собрание II. Т. VI. Ч. 1.
7. **Государственный архив Пензенской области (ГАПО).** Ф. 5. Оп. 1.
8. **ГАПО.** Ф. 23. Оп. 1.
9. **ГАПО.** Ф. 41. Оп. 1.
10. **Государственный архив Саратовской области (ГАСарО).** Ф. 3. Оп. 1.
11. **Дружинин Н. М.** Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М. – Л., 1946. Т. 1. 635 с.
12. **Еланский В. Г.** Описание бумаг, извлеченных их архива Вольского нижнего земского суда (1818-1842 гг.) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). Саратов, 1889. Вып. I. Т. II. С. 79-127.
13. **Иванов Ф. Н.** Раскладка рекрутской повинности в России: законодательство и представления населения о «справедливости» [Электронный ресурс] // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2010. № 3. С. 82-87. URL: http://www.izvestia.komisc.ru/Archive/i03_ann.files/ivanov.pdf (дата обращения: 10.03.2013).
14. **Комплектование и устройство вооруженной силы / сост. А. Редигер.** Изд-е 2-е. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1892-1894. Ч. 1. 232 с.; Ч. 2. 397 с.
15. **Кормина Ж. В.** Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX-XX вв.) [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. культурологии. М., 2000. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/cogmina3.htm> (дата обращения: 12.03.2013).
16. **Корсунов А.** История отправления личной воинской повинности в России от начала государства до издания рекрутского устава, с 862 по 1831 год. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1850. 141 с.
17. **Минх А. Н.** Описание архива упраздненной Аткарской градской думы (1782-1850 гг.) // Труды Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК). Саратов, 1888. Т. 1.
18. **Минх А. Н.** Приговоры Аткарского купеческого и мещанского общества с 1811 г. по 1823 г. // Протоколы IV общего собрания СУАК 5 мая 1887 года. Саратов, 1887. С. 46-67.
19. **О замене общих в государстве рекрутских наборов частными, ежегодно в одной половине государства, и о производстве в сем году первого набора в южной полосе:** манифест от 1 августа 1834 г. № 7317 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835. Собрание II. Т. IX. Ч. 1.
20. **О личном освобождении мещан, служащих или служивших по выборам своих обществ в классных должностях, от рекрутской повинности:** высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 11 января 1834 г. № 6712 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835. Собрание II. Т. IX. Ч. 1.
21. **О принятии мещан и казенного ведомства крестьян за дурное поведение в рекруты, и о ссылке в случае негодности их к службе, на поселение; с зачетом за рекрут тех из них, кои будут иметь от роду от 17 до 35 лет, а рост 2 аршина и 2 вершка:** сенатский указ от 31 июля 1812 г. № 25170 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXXII.

22. **О разделении губерний для отправления рекрутского набора на полосы западную и восточную, и о произведении в текущем году третьего частного набора с губерний западной полосы:** манифест от 8 июля 1839 г. № 12513 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1840. Собрание II. Т. XIV. Ч. 1.
23. **О разных дарованных народу милостях:** манифест от 2 сентября 1793 г. № 17149 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXIII.
24. **О сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто, как в приеме, также и в отдаче неистинною поступать будет:** Генеральное учреждение от 29 сентября 1766 г. № 12748 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XVII.
25. **О сложении вовсе недоимочных по 98 набору рекрут в некоторых губерниях:** именной указ, данный Сенату 1 августа 1834 г. № 7320 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835. Собрание II. Т. IX. Ч. 1.
26. **О сокращении сроков обязательной службы нижним чинам в военном и морском ведомствах:** именной указ от 8 сентября 1859 г., данный Сенату за № 34882 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1861. Собрание II. Т. XXXIV. Ч. 2.
27. **О составлении мирских приговоров на отдачу в рекруты мещан распутного поведения и о взносе сих приговоров в Казенные палаты на основании правил, в указе от 28 апреля 1808 года для казенных крестьян поставленных:** сенатский указ от 30 сентября 1809 г. № 23872 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXX.
28. **О сроке службы нижних чинов в Гвардии и в Армии:** именной указ, объявленный в приказе Военного министра, от 30 августа 1834 г. № 7373 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835. Собрание II. Т. IX. Ч. 1.
29. **О ссылке в Сибирь на поселение мещан и казенных поселян распутного поведения, по приговорам мирских обществ:** сенатский указ от 5 ноября 1829 г. № 3274 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание II. Т. IV.
30. **Об образовании на левом берегу Волги новой Самарской губернии:** именной указ, данный Сенату, от 6 декабря 1850 г. № 24708 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1851. Собрание II. Т. XV. Ч. 2.
31. **Об освобождении от телесных наказаний купцов 3 гильдии и мещан, служащих по выборам городских обществ:** высочайше утвержденном мнении Государственного совета от 9 января 1842 г. № 15206 // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1843. Собрание II. Т. XVII. Ч. 1.
32. **Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год.** Симбирск: Тип. Симбирск. губ. правления, 1869.
33. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 1557. Оп. 1.
34. **Саратовские губернские ведомости.** 1844. № 14.
35. **Сидоренко Г.** Рекрутская повинность. Значение ее в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие ее в России. Киев: Университет. типограф., 1869. Ч. 1. 137 с.
36. **Симакин Н. В.** Особенности проведения рекрутских наборов в 1816- 1831 гг. (по материалам Пензенской губернии) // Платоновские чтения: материалы и доклады XV всероссийской конференции молодых историков (г. Самара, 20-21 ноября 2009 г.) / отв. ред. П. С. Кабытов. Самара: Самарский университет, 2009. С. 93-96.
37. **Симбирские губернские ведомости.** 1838. № 1.
38. **Столетие военного министерства: 1802-1902 гг.** / гл. ред. Д. А. Скалон; ред. Н. М. Михневич; сост. В. В. Щепетильников. СПб.: Типография «Бережливость», 1902-1907. Т. IV. Ч. 1. Кн. 1. 211 с.; Ч. 2. Кн. 1. 330 с.
39. **Федосюк Ю. А.** Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта; Наука, 1998. 264 с.
40. **Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО).** Ф. 170. Оп. 6.
41. **ЦГАСО.** Ф. 678. Оп. 1.
42. **Чукарев А. Г.** Тайная полиция России 1825-1855 гг. М.: Кучково поле, 2005. 704 с.
43. **Шомпулев В. А.** Провинциальные типы сороковых годов // Русская старина. 1898. Август. С. 321-335.
44. **Щербинин П. П.** Жизнь русской солдатки в XVIII-XIX веках // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 79-92.
45. **Щербинина Ю. В.** Социальная адаптация и правовое положение отставных и бессрочноотпускных солдат русской армии в XIX в. [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... к.и.н. Воронеж, 2007. URL: http://www3.vspu.ac.ru/images/news/27_02_2007/ref2.doc (дата обращения: 12.03.2013).

**LOWER MIDDLE CLASS POPULATION'S RECRUITING DUTY OF VOLGA REGION TOWNS
IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY**

Biryukova Anna Borisovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Samara State Technical University
annabir@mail.ru

The author studies the practices of recruiting duty execution by the lower middle class population of Simbirsk, Saratov, Penza, Samara provinces during the pre-reform era, presents the analysis of the legislation, regulating recruiting duty execution by lower middle class and its implementation in recruiting daily practice by the example of Volga region provinces, pays special attention to the study of the legal and illegal ways of avoiding recruiting duty, and estimates recruiting duty as a tool of lower middle class descending mobility.

Key words and phrases: lower middle class; recruiting duty; Recruit Statutes of 1831; ways of avoiding recruiting duty; pre-reform Volga region towns.